

**ЦИФРОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ПРЕДМЕТ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В.Н. Григорьев^{1, 2}, А.П. Суходолов³, С.С. Ованесян³, М.Г. Спасенникова⁴, В.В. Тюньков⁵

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

³ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

⁴ Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко, г. Москва, Российская Федерация

⁵ Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 июля 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Цифровая криминология; цифровое законодательство; уголовное судопроизводство; цифровизация уголовного судопроизводства; цифровые информационные платформы; расследование; суд

Аннотация. Отмечая общую тенденцию к урегулированию цифровых отношений в сфере уголовного судопроизводства, авторы обращают внимание на отсутствие общих подходов к этой деятельности, единообразия в понимании норм уголовно-процессуального права, регулирующих цифровые отношения, а также на недостатки в подготовке новых норм, регулирующих цифровые отношения. Проблемы, связанные с регулированием электронных процессов, неспецифичны для России. Законы некоторых государств не признают доказательства, полученные электронным способом, считают их вторичными. В России базой для формирования основ концепции цифровизации уголовного судопроизводства являются результаты реализации дорожной карты цифровой экономики, подходы к определению и типизации цифровых платформ. Масштабный рост инноваций в платформах, усложнение их архитектуры позволяет решать новую исследовательскую задачу — распространение цифровых платформ в различных отраслях, в данном случае в сфере уголовного судопроизводства. На основе определения цифровой платформы, одобренного российской Правительственной комиссией по цифровому развитию, в статье сформулировано исходное определение цифровой информационной платформы как предмета нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства, аргументировано отнесение ее к типу отраслевых цифровых платформ. Смысл перехода к нормативно-правовому регулированию цифровых информационных платформ в сфере уголовного судопроизводства — снижение издержек и исключение субъективного фактора за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда при реализации назначения уголовного судопроизводства. При этом подчеркивается неуместность упрощенчества, недопустимость примитивизма, когда уголовно-процессуальная система механически приравнивается к системе распределенных реестров (блокчейн) или под флагом цифровизации предлагается ликвидировать следственный аппарат как паразитарную прослойку в цифровой реальности, а работу по расследованию и раскрытию преступлений определить уделом обычных интернет-пользователей.

**DIGITAL INFORMATION PLATFORMS AS AN OBJECT OF NORMATIVE LEGAL
REGULATION IN THE SPHERE OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

**Victor N. Grigoryev^{1, 2}, Alexander P. Sukhodolov³, Sergey S. Ovanesyan³,
Marina G. Spasennikova⁴, Vladislav V. Tyunkov⁵**

¹ Research Institute, Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

² Lobachevsky National Research University, Nizhny Novgorod, the Russian Federation

³ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

⁴ N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, the Russian Federation

⁵ Irkutsk State Transport University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2019 July 10

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Keywords

Digital criminology; digital law; criminal proceedings; digitalization of criminal proceedings; digital information platforms; investigation; court

Abstract. While noting the general trend for the regulation of digital relations in the sphere of criminal court proceedings, the authors draw attention to the absence of a common approach to this work, or of a universal understanding of criminal procedure norms regarding digital relations, as well as to the drawbacks in preparing new norms that regulate digital relations. Problems connected with the regulation of electronic processes are not specific for Russia only. Laws of some countries do not recognize evidence obtained electronically, and view it as secondary. The results of implementing the road map of digital economy and the approaches to the definition and typification of digital platforms are the basis for laying the foundations of the criminal proceedings' digitization in Russia. Large-scale growth of innovations for the platforms and an increasing complexity of their architecture enable the solution of a new research task — the spread of digital platforms to various sectors, in this case, to the sphere of criminal proceedings. The authors use the definition of a digital platform approved by the Russian Governmental Commission on Digital Development to formulate their own definition of a digital information platform as an object of normative legal regulation in the sphere of criminal proceedings and prove that it should belong to sectoral digital platforms. The value of the transition to the normative legal regulation of digital information systems in the sphere of court proceedings lies in the reduction of costs and the elimination of the subjective factor by using a package of digital technologies of data processing and changing the system of the division of labor while reaching the purpose of criminal justice. The authors also stress the inappropriateness of simplification and primitivism, when a criminal procedure system is mechanically viewed as a system of distributed registers (blockchain), or when digitization is used as an excuse for suggesting the abolishment of investigative departments as parasites in the digital reality where crime investigation and solution become a job for ordinary internet users.

В 2012 г. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ¹ внес в УПК РФ ряд изменений и дополнений, направленных на регулирование цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти, возникающих в связи с электронными носителями информации [1]. В последующие годы был принят еще ряд законодательных актов с тем же предметом регулирования. К числу таких актов относятся, в частности, Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ²; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ³; Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

сийской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ⁴; Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ⁵; Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ⁶.

Исследователи обращают внимание на периодическое внесение в Государственную Думу законопроектов о закреплении таких новых технических разработок, как полиграф, видеоконференц-связь, тензометрическая платформа для оценки стрессового психофизического состо-

¹ Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

² Там же. № 49. Ст. 6752.

³ Там же. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3889.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. 2. Ст. 4256.

⁵ Там же. № 28. Ст. 4559.

⁶ Там же. 2018. № 53, ч. 1. Ст. 8459.

ания человека, система для ведения электронных уголовных дел, видеопрокол, «электронный судья», технология блокчейн и криптовалюты [2, с. 19]. В работах российских ученых обоснованно отмечается изменение познавательной ситуации в уголовном судопроизводстве, в соответствии с которой для человека — субъекта доказывания цифровая информация о следах преступления без работающего компьютера уже недоступна, а при обращении правоприменителя с цифровой информацией обязательным признается содействие эксперта, специалиста в соответствующей форме [3, с. 10].

Вместе с тем в регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти отмечаются негативные тенденции, среди которых своеобразная кривизна стратегической линии в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства, отсутствие ее внятной концепции, отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства. Обращают на себя внимание недостатки в подготовке нормативно-правовых актов, проявляющиеся в несуразности текста новых норм уголовно-процессуального права, регулирующих цифровые отношения [4].

Исследователи возможностей применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве находятся еще в самом начале своего пути, не без оснований первые их результаты окрещены как научная фантастика [5, с. 7; 6]. Любые попытки конкретизации, продвижения вперед здесь есть благо. Тем не менее представляются несколько преждевременными заявления некоторых специалистов о том, например, что «нижегородской школой процессуалистов» уже создана новая доктрина уголовного процесса и новая теория доказательств [7, с. 180].

Работы, посвященные информационным технологиям в уголовном судопроизводстве, в настоящее время ведутся в трех основных направлениях:

- формирование теоретических основ и научное обоснование системы информационного обеспечения уголовного процесса;
- внедрение в классическую модель уголовно-процессуальных электронных доказательств;
- технико-криминалистическое обеспечение использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности [8, с. 118–119].

В связи с этим важным событием стала подготовка и издание таких работ, как «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней» [5] и «Основы теории электронных доказательств» [9].

Отмечая общую тенденцию к урегулированию цифровых отношений в сфере уголовного права [10; 11] и судопроизводства, нельзя не обратить внимание на отсутствие не только единообразия в понимании норм, регулирующих цифровые отношения в сфере уголовного судопроизводства, но и общих подходов к этой деятельности. Без преувеличения, пожалуй, можно сказать, что российское уголовное судопроизводство оказалось не вполне готовым к «электронным» изменениям в общественной жизни. В практическую и научную деятельность вводятся новые явления материального мира, что влечет формирование новых понятий. Электронное доказывание сейчас находится в стадии осмысления и теоретического обоснования.

Многие зарубежные страны (например, Саудовская Аравия, Южная Корея, Республика Казахстан и др. [8, с. 118]) ушли вперед в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства. За рубежом актуальна идея сделать доступными архивы международных институтов уголовного правосудия для использования в социальных научных исследованиях [12, р. 277–278]. Вместе с тем проблемы, связанные с регулированием электронных процессов, неспецифичны для российского уголовного процесса. Законы некоторых государств не признают доказательства, полученные электронным способом, считают их вторичными⁷. В результате исследования, проведенного Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union), сделан вывод, что допустимость электронных доказательств в европейских судах регулируется общими положениями, касающимися также и традиционных доказательств. Имеются лишь отдельные элементы регулирования, относящиеся к данной сфере. В нормативно-правовых актах ни одной из стран в Европе не предусмотрены определения электронных доказательств. Также нет разработанных национальных правил, связанных с допустимостью электронных доказательств.

⁷ Can Electronic Documents Be Used As Evidence International Law Essay approach to the expressive function of international criminal justice. URL: <https://www.lawteacher.net/free-law-essays/international-law.php>.

подавляющее большинство европейских судей воспринимают электронные доказательства эквивалентом традиционных доказательств⁸.

Цифровое доказательство концептуально такое же, как и любое другое доказательство, — это информация, использованная в целях поместить людей и события во времени и пространстве, чтобы установить причинность для криминальных инцидентов [13; 14, с. 56]. При этом цифровые доказательства имеют более широкую сферу применения, могут быть более чувствительными, мобильными и требуют подготовки, других инструментов и методов извлечения данных из цифровых устройств⁹.

Большое количество уголовных преступлений в настоящее время совершается таким образом, что оставляет цифровые следы, которые могут служить доказательством. Чтобы эффективно расследовать и в судебном порядке преследовать эти преступления, правоохранительные органы должны иметь доступ к цифровым данным, которыми в основном владеют поставщики услуг, часто находящиеся за границей. По мере того как значение цифровых, или электронных, доказательств росло, росло и разочарование правоохранительных органов в связи с обременительностью процедуры получения этих данных в сочетании с многочисленностью случаев, когда необходимые цифровые доказательства и соответствующие данные хранятся за границей. Проблема в том, что сложно связать уголовный процесс, международное право, в частности вопросы юрисдикции и суверенитета в контексте уголовных расследований, законодательство Европейского союза с быстроразвивающимися технологиями, прежде всего облачными вычислениями и шифрованием [15, р. 212–214].

Анализ уровня и основных направлений современных исследований свидетельствует о начале формирования основ концепции цифровизации в уголовном судопроизводстве. Изучая данную тенденцию как в Соединенных Штатах, так и в Европе, исследователи утверждают, что она является причиной для переосмысления теорий уголовного предпринимательства с целью более непосредственного учета роли техноло-

гий и коммерческих интересов. Судебные записи или их доверенные лица в настоящее время активно создаются и управляются третьими сторонами в рамках корпоративных процессов принятия решений, а не из-за того, что правительство диктует границы или передает обязанности частным лицам. Это привело к возникновению так называемого неупорядоченного наказания, которое неравномерно и непоследовательно применяется на разных платформах, и правительству и отдельным лицам становится его все труднее контролировать [16].

Широкое использование компьютеров в последние годы привело к появлению в уголовных делах нового типа доказательств — цифровых доказательств. Известный ученый в области компьютерного права и интернет-слежки Орин Самуэль Керр (США) рассматривал вопрос, могут ли традиционные уголовно-процессуальные нормы эффективно регулировать расследования, связанные с использованием цифровых доказательств. Профессор Керр приходит к выводу, что новые методы сбора цифровых доказательств требуют новых правовых стандартов, новых правил сбора вещественных доказательств и свидетельских показаний с применением цифровых технологий [17, р. 279]. Ситуация в этом отношении усугубляется отмечающимся зарубежными исследователями заметным ростом латентности киберпреступности [18, р. 486–489]. Вопросы внедрения электронных ресурсов в уголовное судопроизводство становятся еще более актуальными в свете результатов проведенных исследований, которые свидетельствуют об ограниченности следственных ресурсов для улучшения расследования случаев бандитизма, наркомании, убийств по причине отсутствия вещественных доказательств и сотрудничества свидетелей [19, р. 337, 363–364].

В изданных в последние годы творческих исследованиях [20; 21] даны разные представления о том, как платформы формируют бизнес- и организационные модели и фактически трансформируют целые экономики. В России базой для формирования основ концепции цифровизации уголовного судопроизводства являются результаты реализации дорожной карты цифровой экономики. 25 апреля 2019 г. на заседании подкомиссии по цифровой экономике Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской

⁸ The Admissibility of Electronic Evidence in Court: Fighting Against High-tech Crime. URL: http://www.itu.int/osg/csd/cybersecurity/WSIS/3rd_meeting_docs/contributions/libro_aeec_en.pdf.

⁹ Can Electronic Documents Be Used As Evidence International Law Essay approach to the expressive function of international criminal justice.

деятельности¹⁰ были одобрены подходы к определению и типизации цифровых платформ¹¹.

Ученые аргументированно отмечают, что, поскольку цифровые платформы сегодня трансформируют практически все отрасли, они постепенно находят свое отражение в литературе по основным информационным системам. Цифровые платформы являются сложным объектом изучения из-за их распределенной природы и взаимосвязи с институтами, рынками и технологиями. Новые исследовательские задачи возникают в результате экспоненциального роста инноваций в платформах, усложнения архитектуры платформ и распространения цифровых платформ в различных отраслях [22, р. 124].

Сказанное дает, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы адаптировать категорию цифровой платформы к сфере уголовно-процессуального регулирования.

Взяв за основу определение цифровой платформы, одобренное Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности¹², сформулируем исходное определение цифровой информационной платформы как предмета нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства — это система алгоритмизированных законом взаимоотношений привлекаемых в необходимом количестве с установленным статусом участников уголовного судопроизводства, осуществляемых с участием органов судебной и

исполнительной власти в рамках производства по уголовному делу, приводящая к снижению издержек и исключению субъективного фактора за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда при реализации назначения уголовного судопроизводства.

Специалисты предложили критерии, по которым та или иная сущность может быть отнесена к категории цифровых платформ¹³. Применительно к уголовному судопроизводству это могут быть по аналогии следующие положения:

1. Алгоритмизация взаимодействия участников платформы в виде уголовно-процессуальной формы, в которой процедуры взаимодействия участников уголовного судопроизводства детерминированы и реализуются в рамках установленного законом алгоритма. Само множество этих процедур взаимодействия ограничено и описано в уголовно-процессуальном кодексе.

2. Взаимовыгодность отношений участников платформы по принципу win-win, проявляющаяся в наличии процессуального интереса, который удовлетворяется в форме уголовно-процессуальных правоотношений с соответствующими правами и корреспондирующими им обязанностями.

3. Значимость количества участников деятельности (масштаб), использующих платформу для взаимодействия, включающего в себя множество участников уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу, судебной системы и правоохранительных органов, государства в целом, международных правоохранительных институтов, институтов гражданского общества.

4. Наличие единой информационной среды, в которой осуществляются взаимодействия участников уголовного судопроизводства, и соответствующей информационно-технологической инфраструктуры.

5. Наличие эффекта в виде снижения материальных, организационных, интеллектуальных, психофизиологических издержек при взаимодействии различных участников платформы, по сравнению с тем же взаимодействием без платформы. При этом такой эффект должен достигаться за счет применения определенных технологий работы, сводящих к минимуму субъективный фактор, а в большинстве ординарных процессов вовсе его исключают.

¹³ Подходы к определению и типизации цифровых платформ.

¹⁰ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности является координационным органом, образованным в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам развития экосистем цифровой экономики и повышения уровня использования информационных технологий и связи в целях формирования в Российской Федерации информационного общества и электронного правительства (URL: <http://government.ru/orders/selection/405/33944>).

¹¹ На подкомиссии по цифровой экономике одобрили определение цифровых платформ // Цифровая Россия. 2018. 28 апр. URL: <http://d-russia.ru/na-podkomissii-po-tsifrovoy-ekonomike-odobrili-opredelenie-tsifrovoyh-platform>.

¹² Подходы к определению и типизации цифровых платформ // Проект. С. 1. URL: https://files.data-economy.ru/digital_platforms_project.pdf.

В соответствии с типизацией цифровых платформ для нужд реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» различают инструментальную, инфраструктурную и прикладную цифровые платформы. Инструментальные цифровые платформы обеспечивают технологическую работу с данными, но не обеспечивают доступа к самим данным. Инфраструктурные цифровые платформы содержат в себе и средства технологической обработки данных, и источники данных, что позволяет в рамках соответствующих экосистем строить полезные в прикладном смысле ИТ-сервисы, насыщенные данными, необходимыми для принятия решений в рамках отдельного субъекта экономики. Прикладные цифровые платформы, в свою очередь, оперируют обработанными данными уже на уровне бизнес-процессов отдельной группы субъектов экономики или отрасли в целом. Они позволяют добиться полезных для экономики эффектов не за счет использования обработанного и погруженного в хозяйственный контекст предприятия потока данных (как в случае с инфраструктурной цифровой платформой), но за счет объединения и пересечения множества таких потоков от субъектов экономики в рамках одной информационной среды вне этих субъектов экономики¹⁴.

Отдельно выделяется отраслевая цифровая платформа как подтип прикладной цифровой платформы, отличительный признак которой — ее создание и развитие по инициативе и под контролем государственных регуляторов. «Такая платформа является в том числе инструментом регулятора для построения максимально объективной информационной картины состояния отрасли и управления ей»¹⁵. На основе анализа сравнительных характеристик цифровые информационные платформы в сфере уголовного судопроизводства можно отнести к типу отраслевых цифровых платформ.

Для отраслевых цифровых платформ, создающихся под контролем государства, неприменим термин «платформенная конкуренция», поскольку они изначально проектируются на государственном уровне для охвата сразу всех участников отрасли¹⁶. Исходя из этого следует возразить против представления цифрового уголовного судопроизводства как своеобразного блокчейна, где уголовно-процессуальная система приравнивается к системе распределенных реестров («уголовная процессуальная система как система распределенных реестров» [23, с. 306]) и где правовое поле деятельности мыслится как рынок в базарном смысле этого слова — «в качестве субъекта расследования может выступить любой «пользователь» цифровой технологией» [24, с. 136].

Одним из ключевых признаков системы распределенных реестров (distributed ledger technology) является отсутствие центрального администратора [25]. Между тем в любом цифровом изображении цифровое уголовное судопроизводство вряд ли можно представить без участия государства в качестве регулятора и «бенефициара», если только мы не хотим получить суд Линча, пусть даже и в электронной форме.

Сказанное не только не исключает, а, наоборот, предполагает активное использование технологии распределенных реестров (блокчейн) как в цифровой криминологии, так и в сфере противодействия киберпреступности. Такие возможности весьма подробно представлены, например, в обстоятельной статье коллектива авторов, посвященной описанию того, как именно распределенные реестры можно применять в борьбе с киберпреступностью [26].

В понимании сути цифровой информационной платформы важное значение имеет введенная Федеральным законом «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ¹⁷ в нормативно-правовое поле России категория цифровых прав. Согласно введенной указанным законом в ГК РФ ст. 141.1 «Цифровые права», цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (ч. 1).

Стало быть, цифровые права — это названные в таком качестве в законе обязательственные

¹⁷ Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

¹⁴ Подходы к определению и типизации цифровых платформ. С. 2, 4–5.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же.

и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, реализация которых возможна только в этой информационной системе без обращения к третьему лицу. То есть ключевое в идентификации права как цифрового — это отнесение его к определенной информационной системе. Следовательно, цифровые правоотношения — это урегулированные правом отношения в указанной информационной системе, а цифровое законодательство — законодательство, регулирующее отношения в этой информационной системе.

В качестве примера такой информационной системы можно назвать установленную Федеральным законом «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ¹⁸ инвестиционную платформу, представляющую собой информационную систему в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемую для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы (п. 1 ч. 1 ст. 2 указанного федерального закона).

По своему содержанию предусмотренные в рамках этой платформы права являются самыми обычными. В соответствии со ст. 8 закона это: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Цифровыми такие права становятся не в силу особенностей своего содержания или предмета, а в силу включенности, т.е. возникновения, действия, изменения, прекращения исключительно в рамках данной информационной системы.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства цифровое законодательство нередко связывают с регулированием отношений, обязательным атрибутом которых являются технические средства, в современных условиях функционирующие на цифровой основе (пришедшей на смену аналоговой). Это чаще всего

применение технических средств в следственной и судебной деятельности, изъятие электронных носителей информации, правила обращения с ними и т.д. Так, М.О. Медведева пишет: «Названные информационные технологии, а именно та часть информационных отношений в уголовном процессе, которая непосредственно связана с техническими средствами, т.е. является высокими информационными технологиями, и составляют предмет уголовно-процессуального регулирования» [2, с. 39].

Исходя из приведенных посылок такой подход может показаться не совсем правильным. В качестве предмета регулирования цифрового законодательства в уголовном судопроизводстве должны рассматриваться отношения в определенной, установленной законом информационной системе, т.е. — по аналогии с упомянутой инвестиционной платформой — соответствующие уголовно-процессуальные информационные платформы, в качестве примера которых можно назвать информационную систему уголовного делопроизводства, информационную систему уголовных доказательств, информационную систему текущего ведомственного и судебного контроля и прокурорского надзора и т.д., либо единая уголовно-процессуальная платформа с соответствующими информационными подсистемами. Это, однако, вовсе не означает исключения отношений с техническими средствами из сферы регулирования цифрового законодательства. Наоборот, многие (если не все) из них как раз в эту сферу попадают, но не по предметному признаку и не по признаку вовлеченности в ту или иную информационную систему. Архитектура самой технологии может в большей степени осуществляться с помощью приложений, микросервисов и других модульных элементов, а не в монолитных схемах, что поднимает вопрос о том, как спроектировать эти взаимосвязи [22, р. 132].

Смысл перехода к нормативно-правовому регулированию цифровых информационных платформ в сфере уголовного судопроизводства, как отмечено в приведенном выше определении, — снижение издержек и исключение субъективного фактора. Однако здесь неуместно упрощенчество, примитивизм. Так, вызывает серьезные сомнения обоснованность позиции А.С. Александрова, сводящего всю работу по расследованию и раскрытию преступлений к манипуляциям даже не хакера, а просто обычного интернет-пользователя: «Просма-

¹⁸ Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

тривается перспектива, когда вместо следователя, сотрудника оперативного подразделения правоохранительного органа, «субъектом расследования», чья задача в конечном итоге сводится к установлению IP-адреса, с которым предположительно связан субъект преступления, в качестве субъекта расследования может выступить любой «пользователь» цифровой технологией: программист, специалист по информационной безопасности корпорации (профессиональный «антихакер»), но также и «робот», «бот». В этом состоит законченный вывод о деперсонализации «субъекта» доказывания. Агентами уголовного розыска будут интеллектуальные агенты: они будут получать, анализировать цифровую информацию, на основании которой обвинитель будет формировать «доказательство обвинения» [24, с. 136]. Несколько странно выглядит представление об уровне квалификации, которая требуется для расследования преступлений, исходящее от специалиста, большую часть своей профессиональной деятельности только и занимавшегося обучением следователей и сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Даже самые убедительные цифровые доказательства никогда не могут быть частью судебного дела, если устройство было изъято в ходе обыска незаконно [27, р. 18]. В этой связи бездоказательным выглядит представление ситуации цифровизации уголовного судопроизводства таким образом, что в ее результате будет снесен следственный аппарат «как паразитарная прослойка» между агентом обвинительной власти и судом [23, с. 306; 24, с. 134, 135–136]. Сколь образно, столь же и точно выразил всю глубину сути этой позиции и разделяемого нами отношения к ней М. Mikhailov в комментарии к статье В.С. Власовой, воспроизводящей слова профессора А.С. Александрова о необходимости ликвидации следственного аппарата «как паразитарной прослойки» в цифровой реальности [3, с. 9–18]: «Цифровизация» — несколько неожиданный повод для уничтожения следственной власти... Просто удар в голову (сзади)» [28].

На фоне программного призыва к преобразованию правового механизма противодействия преступности в цифровую эпоху путем отказа от функционала следователя как «лишнего, субъективного звена в обвинительной подсистеме» не мотивирована пиететная при-

верженность к сохранению судьи-человека. «Обвинять и судить могут только люди, но не машины, потому что оценить правовую ситуацию и принять решение о применении закона к человеку — предъявить обвинение, осудить, оправдать может только другой человек» [24, с. 138–139]. Опубликованные результаты проведенных специалистами исследований на эту тему [29, с. 20] убеждают как раз в обратном. Если и есть здесь проблема, то не в следователях, а в судьях — мало кем оспариваемом источнике необъективных и несправедливых решений (постановлений, определений, приговоров) по уголовным делам.

Как отмечается в первоисточниках, в западном мире существует две основные модели уголовного преследования. Одна из них поручает независимому мировому судье (следственному судье) провести расследование по делу и передать все собранные доказательства сторонам и суду первой инстанции. Другая возлагает на обвинение задачу провести расследование, прежде чем представлять обвинение в суде. Сравнительно недавно вступивший в силу новый уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии вынудил большинство швейцарских кантонов перейти от первой модели ко второй. На основе проведенных эмпирических исследований специалисты аргументированно утверждают, что права подсудимого лучше были защищены в первой модели, чем во второй [30]. Эти сведения, наверное, не изменят позицию сторонников ликвидации следователей, однако о неуместности безапелляционных суждений в этом вопросе свидетельствуют точно.

В настоящее время выход из существующего кризиса правосудия, заключающегося в ресурсном перенапряжении всех звеньев уголовной юстиции, только один — дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части приведения его в соответствие с уровнем развития информационных технологий [31]. Дальнейшее развитие в этом направлении видится в переходе к нормативно-правовому регулированию цифровых информационных платформ в сфере уголовного судопроизводства, которое позволит на качественно ином уровне привести к снижению издержек и исключению субъективного фактора за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда при реализации назначения уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев В.Н. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве / В.Н. Григорьев, О.А. Максимов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 2 (84). — С. 33–44.
2. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.О. Медведева. — Москва, 2018. — 250 с.
3. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / С.В. Власова // Библиотека криминалиста. — 2018. — № 1. — С. 9–18.
4. Григорьев В.Н. Цифровое законодательство в сфере уголовного судопроизводства: некоторые тенденции / В.Н. Григорьев // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф., Алушта, 25–26 апр. 2019 г. / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. — Алушта, 2019. — С. 27–30.
5. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. — Москва : Юрлитинформ, 2015. — 304 с.
6. Розовский Б.Г. К дискуссии о Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права / Б.Г. Розовский, И.А. Зинченко // Международная ассоциация содействия правосудию. — URL: <http://www.iaaj.net/node/2005>.
7. Муравьев М.В. Актуальность реформирования уголовно-процессуального доказательственного права / М.В. Муравьев // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 2. — С. 174–182.
8. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / С.В. Зуев // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 4 (83). — С. 118–123.
9. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 400 с.
10. Спасенников Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы / Б.А. Спасенников, Б.А. Швырев, А.М. Смирнов // Актуальные вопросы образования и науки. — 2015. — № 3–4 (49–50). — С. 35–41.
11. Спасенников Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы / Б.А. Спасенников // Актуальные вопросы образования и науки. — 2015. — № 1–2 (47–48). — С. 36–38.
12. Houge V.A. Narrative Expressivism: A Criminological Approach to the Expressive Function of International Criminal Justice / A.V. Houge // Criminology & Criminal Justice. — 2019. — Vol. 19, № 3. — P. 277–293.
13. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А.П. Суходолов, С.В. Иванов, С.В. Борисов, Б.А. Спасенников. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).13-21 // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 13–21.
14. Спасенников Б.А. Общая теория права / Б.А. Спасенников. — Москва : НИИ ФСИН России, 2018. — 214 с.
15. Tosza S. The European Commission's Proposal on Cross-Border Access to E-Evidence & Overview and Critical Remarks / S. Tosza // Eucrim. — 2018. — № 4. — P. 212–219.
16. Corda A. Disordered Punishment: Workaround Technologies of Criminal Records Disclosure and the Rise of a New Penal Entrepreneurialism / A. Corda, S.E. Lageson // The British Journal of Criminology. — 2019. — 18 June. — URL: <https://academic.oup.com/bjc/advancearticleabstract/doi/10.1093/bjc/azz039/5520079>.
17. Kerr O.S. Digital Evidence and the New Criminal Procedure / O.S. Kerr // Columbia Law Review. — 2005. — Vol. 105, № 1. — P. 279–318.
18. Van de Weijer S.G.A. Determinants of Reporting Cybercrime: A Comparison Between Identity Theft, Consumer Fraud, and Hacking / S.G.A. Van de Weijer, R. Leukfeldt, W. Bernasco // European Journal of Criminology. — 2019. — Vol. 16, № 4. — P. 486–508.
19. Braga A.A. The Influence of Investigative Resources on Homicide Clearances / A.A. Braga, B. Turchan, L. Barao // Journal of Quantitative Criminology. — 2019. — Vol. 35, № 2. — P. 337–364.
20. Tiwana A. Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy / A. Tiwana. — Amsterdam : Morgan Kaufmann, 2014. — 300 p.
21. Parker G.G. Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You / G.G. Parker, M.W. Van Alstyne, S.P. Choudary. — New York : Norton & Co., 2016. — 363 p.
22. Reuver M. de. The digital platform: A Research Agenda / M. de Reuver, C. Sørensen, R.C. Basole // Journal of Information Technology. — 2018. — Vol. 33, № 2. — P. 124–135.
23. Александров А.С. Организационно-правовой механизм противодействия киберпреступности в эпоху цифровых технологий / А.С. Александров, И.А. Александрова // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее : сб. тр. / отв. ред. Г.Г. Бриль, В.В. Груздев. — Кострома, 2018. — С. 303–309.
24. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий / А.С. Александров // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 130–139.
25. Клейн Д. Технология распределенного реестра DLT за рамками блокчейна / Д. Клейн // Crypto-fox. — 2018. — 9 июня. — URL: <https://crypto-fox.ru/article/eos-sgubit-tsentralizatsiya>.
26. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды / В.Н. Григорьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 42–51.
27. Goodison S.E. Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System: Identifying Technology and Other Needs to More Effectively Acquire and Utilize Digital Evidence / S.E. Goodison, R.C. Davis, B.A. Jackson. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2015. — 32 p.
28. Михайлов М. О приспособлении: комментарий к статье В.С. Власовой «К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности» / М. Михайлов // Международная ассоциация содействия правосудию. — URL: <http://www.iaaj.net/node/2433>.
29. Цветков Ю.А. Российский следователь: от инквизитора к сверхчеловеку. Этюды по философии уголовного процесса / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. — 2019. — № 1. — С. 16–23.

30. Role-induced Bias in Criminal Prosecutions / N. Egli, M. Schweizer, J. Vuille, A. Kuhn // *European Journal of Criminology*. — 2019. — Vol. 16, № 4. — P. 452–465.

31. Григорьев В.Н. О правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество / В.Н. Григорьев // *Вестник Томского государственного университета*. — 2016. — № 405. — С. 162–167.

REFERENCES

1. Grigorev V.N., Maksimov O.A. Concept of Electronic Media of Information in Criminal Proceedings. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*, 2019, no. 2 (84), pp. 33–44. (In Russian).

2. Medvedeva M.O. *Ugolovno-protsessual'naya forma informatsionnykh tekhnologii: sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya. Kand. Diss.* [Criminal procedure form of information technologies: contemporary condition and key trends of development. Cand. Diss.]. Moscow, 2018. 250 p.

3. Vlasova S.V. Toward adjusting the Criminal Procedural Mechanism to Digital Reality. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2018, no. 1, pp. 9–18. (In Russian).

4. Grigorev V.N. Digital legislation in the sphere of criminal court procedure: some trends. In Mikhailov M.A., Omel'chenko T.V. (eds.). *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika. Materialy 7-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Alushta, 24–25 aprelya 2015 g.* [Criminal Procedure: Procedural Theory and Criminalistic Practice. Materials of the 7th International Research Conference, Alushta, April 25–26, 2015]. Alushta, 2019, pp. 27–30. (In Russian).

5. Aleksandrov A.S. (ed.). *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei* [Doctrinal Model of Criminal Procedural Evidentiary Law of the Russian Federation and Commentary to it]. Moscow, YurLitinform Publ., 2015. 304 p.

6. Rozovskii B.G., Zinchenko I.A. To the discussion on the Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya sodeistviya pravosudiyu = International Union of Assistance to Justice*. Available at: <http://www.iuaj.net/node/2005>. (In Russian).

7. Muravyev M.V. The Urgency of Reforming the Criminal Procedural Law of Evidence. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 2, pp. 174–182. (In Russian).

8. Zuev S.V. Digital Environment of Criminal Proceedings: Problems and Prospects. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2018, no. 4 (83), pp. 118–123. (In Russian).

9. Zuev S.V. (ed.). *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Electronic Evidence]. Moscow, YurLitinform Publ., 2019. 400 p.

10. Spasennikov B.A., Shvyrev B.A., Smirnov A.M. Topical Issues of Criminal Law: an Overview of Publications. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2015, no. 3–4 (49–50), pp. 35–41. (In Russian).

11. Spasennikov B.A. Topical Issues of Criminal Law: an Overview of Publications. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2015, no. 1–2 (47–48), pp. 36–38. (In Russian).

12. Houge B.A. Narrative Expressivism: A Criminological Approach to the Expressive Function of International Criminal Justice. *Criminology & Criminal Justice*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 277–293.

13. Sukhodolov A.P., Ivantsov S.V., Borisov S.V., Spasennikov B.A. Topical Issues of Preventing Economic Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Networks. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 13–21. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).13-21. (In Russian).

14. Spasennikov B.A. *Obshchaya teoriya prava* [A General Theory of Law]. Moscow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2018. 214 p.

15. Tosza S. The European Commission's Proposal on Cross-Border Access to E-Evidence & Overview and Critical Remarks. *Eucrim*, 2018, no. 4, pp. 212–219.

16. Corda A., Lageson S.E. Disordered Punishment: Workaround Technologies of Criminal Records Disclosure and the Rise of a New Penal Entrepreneurialism. *The British Journal of Criminology*, 2019, 18 June. Available at: <https://academic.oup.com/bjc/advancearticleabstract/doi/10.1093/bjc/azz039/5520079>.

17. Kerr O.S. Digital Evidence and the New Criminal Procedure. *Columbia Law Review*, 2005, vol. 105, no. 1, pp. 279–318.

18. Van de Weijer S.G.A., Leukfeldt R., Bernasco W. Determinants of Reporting Cybercrime: A Comparison between Identity Theft, Consumer Fraud, and Hacking. *European Journal of Criminology*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 486–508.

19. Braga A.A., Turchan B., Barao L. The Influence of Investigative Resources on Homicide Clearances. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, vol. 35, no. 2, pp. 337–364.

20. Tiwana A. *Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy*. Amsterdam, Morgan Kaufmann, 2014. 300 p.

21. Parker G.G., Van Alstyne M.W., Choudary S.P. *Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You*. New York, Norton & Co., 2016. 363 p.

22. Reuver M. de, Sørensen C., Basole R.C. The digital platform: A Research Agenda. *Journal of Information Technology*, 2018, vol. 33, no. 2, pp. 124–135.

23. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Organizational and Legal Mechanism for Counteracting Cyber Crime in the Digital Age. In Brill' G.G., Gruzdev V.V. (eds.). *Yuridicheskaya nauka i praktika na rubezhe epokh: uroki proshlogo, vzglyad v budushchee* [Legal Science and Practice at the Crossroads of Eras: Lessons of the Past, Visions of the Future]. Kostroma, 2018, pp. 303–309.

24. Aleksandrov A.S. The Problems of the Theory of Criminal Procedural Proof, Which must be Solved in Connection with the Transition to the Digital Age. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 2, pp. 130–139. (In Russian).

25. Klein D. Distributed Ledger Technology DLT beyond blockchain. *Crypto-Fox*, 2018, June 9. Available at: <https://crypto-fox.ru/article/eos-sgubit-tsentralizatsiya>. (In Russian).

26. Grigoryev V.N. Criminal-procedural form or Administrative Regulations: Contemporary Trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 42–51. (In Russian).

27. Goodison S.E., Davis R.C., Jackson B.A. *Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System: Identifying Technology and Other Needs to More Effectively Acquire and Utilize Digital Evidence*. Santa Monica, CA, RAND Corporation, 2015. 32 p.

28. Mikhailov M. On adjustment: Comments on the article by V.S. Vlasova «To the question of adjusting the criminal procedure mechanism to the digital reality». *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya sodeistviya pravosudiyu = International Union of Assistance to Justice*. Available at: <http://www.iauj.net/node/2433>. (In Russian).

29. Tsvetkov Yu.A. Russian investigator: from the inquisitor to the superman. Essays on the philosophy of the criminal process. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2019, no. 1, pp. 16–23. (In Russian).

30. Egli N., Schweizer M., Vuille J., Kuhn A. Role-induced Bias in Criminal Prosecutions. *European Journal of Criminology*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 452–465.

31. Grigoryev V.N. On the Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation on Seizure of Property. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2016, no. 405, pp. 162–167. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьев Виктор Николаевич — ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: grigorev.viktor@gmail.com.

Суходолов Александр Петрович — проректор по науке Байкальского государственного университета, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: science@bgu.ru.

Ованесян Сергей Суменович — заведующий кафедрой математики и информатики Байкальского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: serg43s@yandex.ru.

Спасенникова Марина Геннадьевна — ведущий научный сотрудник Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко, кандидат медицинских наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: mspasennikova@gmail.com.

Тюньков Владислав Владимирович — профессор Иркутского государственного университета путей сообщения, доктор технических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: tunkov@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства / В.Н. Григорьев, А.П. Суходолов, С.С. Ованесян, М.Г. Спасенникова, В.В. Тюньков. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).873-883 // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 873–883.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryev, Victor N. — Leading Researcher, Scientific and Teaching Staff Training Group of Academic Secretary's Office, Postgraduate and Post-Doctoral Programs, Research Institute, Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation; Professor, Chair of Criminal Law and Process, Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor, Nizhny Novgorod, the Russian Federation; e-mail: grigorev.viktor@gmail.com.

Sukhodolov, Alexander P. — Vice Rector for Research, Baikal State University, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: science@bgu.ru.

Ovanesyan, Sergey S. — Head, Chair of Mathematics and Informatics, Baikal State University, Doctor of Economics, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: serg43s@yandex.ru.

Spasennikova, Marina G. — Leading Researcher, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Ph.D. in Medicine, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: mspasennikova@gmail.com.

Tyunkov, Vladislav V. — Professor, Irkutsk State Transport University, Doctor of Technology, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: tunkov@bk.ru.

FOR CITATION

Grigoryev V.N., Sukhodolov A.P., Ovanesyan S.S., Spasennikova M.G., Tyunkov V.V. Digital information platforms as an object of normative legal regulation in the sphere of criminal proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 873–883. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).873-883. (In Russian).